

Игорь Валентинович БОЧАРНИКОВ,
начальник отдела парламентских программ
Аналитического управления Аппарата Совета Федерации,
доктор политических наук

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ

Алексей Петрович Ермолов – один из наиболее популярных военных и государственных деятелей России первой половины XIX столетия. Он обладал государственным умом, независимым и благородным характером. Участие в трех войнах с Наполеоном, деятельность по управлению Кавказом снискали ему всенародную любовь и признание. «Ты ратный брат, ты жизнь полкам», – писал о нем после Бородинского сражения поэт В.А. Жуковский. «Патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова», – так назвал правителя Кавказа А.С. Грибоедов. «Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе ее утаивать», – написал А.С. Пушкин. Знаменитый мореплаватель Ф.Ф. Беллинсгаузен в июне 1820 года назвал его именем один из островов в Тихом океане. Уже при жизни А.П. Ермолов был народным кумиром, служил примером для подражания молодежи того времени.

ФЕНОМЕН Ермолова отчасти объясняется тем, что он был порождением эпохи величия и могущества России, когда, по образному выражению А.А. Безбородко, русского государственного деятеля, назначенного императором Павлом I канцлером Российской империи, «ни одна пушка ни в Европе, ни в Азии без ведома импе-

ратрицы Екатерины не имела права выстрелить». Именно эта эпоха породила плеяду выдающихся российских мыслителей, ученых, полководцев, поэтов таких как: М.В. Ломоносов, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, М.М. Сперанский, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин и, естественно, герой Отечественной войны 1812 года генерал А.П. Ермолов.

Примечательно, что оценку личности А.П. Ермолова дал Александр Дюма-отец: «С тех пор, как бородинские орудия возвестили Франции имя Ермолова, удивление и уважение к этому имени никогда не покинет меня». Аналогичную позицию высказывали и другие известные зарубежные личности. Даже враги и противники, которых у Ермолова было нема-

ло, всегда относились к нему с уважением. Например, первый имам Дагестана и Чечни Гази-Магомед, родоначальник кавказского газавата и предшественник Шамиля, называл его сыном шайтана и при этом соглашался с мнением, что «Ярмол один был, с кем можно и воевать, и говорить честно». Показательна встреча генерала Ермолова и имама Шамиля. Когда имама привезли в Москву и спросили, что он хотел бы посмотреть – Кремль, Оружейную палату или Большой театр, Шамиль ответил: «Сначала я должен увидеть генерала Ермолова». Проконсул Кавказа и имам Дагестана и Чечни встретились 23 сентября 1859 года. Это была их первая и последняя встреча, встреча двух властителей Кавказа.

Род Ермоловых восходит к началу XVI века – периоду активного формирования российской нации. Русский двор

тогда впитывал в себя лучших представителей национальной элиты территорий, входивших в состав Российского государства. Таковы были князья Бековичи, Нарышкины, Урусовы, Черкасские, Юсуповы и многие другие, посвятившие себя служению России. Они обладали мощным интеллектуальным потенциалом и внесли немалый вклад в создание величайшей империи.

Род Ермоловых произошел от Арслана Мурзы (Ермолы), в крещении Ивана, выехавшего из Золотой Орды в Москву в 1506 году. Переселившись в Россию, род не затерялся, хотя никто из его представителей не достиг высоких государственных чинов и званий, не нажил большого состояния. Род был служилым и малоизвестным. Таковым он бы и остался, если бы не Алексей Петрович, прославивший свой род на века в России и далеко за ее пределами.

Родился Алексей Петрович в Москве 24 мая (4 июня) 1777 года. Его отец Петр Алексеевич Ермолов после увольнения с военной службы купил небольшое имение в Мценском уезде Орловской губернии. Проявив себя образцовым хозяином и авторитетным человеком, в 1782 году Петр Алексеевич был избран на трехлетний срок уездным предводителем дворянства, а в 1785 году по указу Екатерины II назначен председателем Орловской палаты гражданского суда. В период с 1792 по 1796 год П.А. Ермолов управлял канцелярией генерал-прокурора графа А.Н. Самойлова. С вступлением на престол Павла I он вышел в отставку. Жизненным лейтмотивом Петра Алексеевича Ермолова была усердная и ревностная служба, на что он и ориентировал своего сына.

Мать Алексея Петровича Мария Денисовна, происходившая из рода дворян Давыдовых, отличалась остротой ума и резкостью суждений. По свидетельству современников, она «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в служебном мире». По матери Алексей Петрович находился в родстве с Потемкиными, Раевскими, Орловыми, Ломоносовыми и другими знатными фамилиями России. В частности, знаменитый партизан и поэт Денис Давыдов был его двоюродным братом.

В характере Алексея Петровича отчетливо проявились и отцовские, и материнские черты, придавшие ему с ранних лет особенный облик – гордость, независимость и вместе с тем скромность и серьезность. Отец, по словам мемуаристов, одарил его «серьезным и деловым складом ума», а мать – «живым остроумием и колкостью языка», качествами, которые не только принесли ему широкую известность в обществе, осо-

бенно в офицерской среде, но и создали множество проблем.

Образование Алексей Петрович получил дома и в пансионе Московского университета, в котором готовили к военной, гражданской, придворной и дипломатической службе. Изначально предназначением А.П. Ермолова была военная служба. Как в последующем очень точно заметил М.И. Кутузов, он был «рожден командовать армиями». По традиции своего времени А.П. Ермолов с раннего детства был приписан к одному из гвардейских полков. В 1778 году (через год после рождения) он был зачислен каптенармусом, а 5 января 1787 года (в девятилетнем возрасте) – унтер-офицером лейб-гвардии Преображенского полка. В сентябре следующего года его произвели в сержанты, а вскоре и в офицеры. К 1791 году (к 14 годам и к моменту окончания учебы) он имел звание поручика.

Действительная военная служба А.П. Ермолова началась с 1792 года, но не в гвардии, так как из-за недостатка средств он не мог содержать экипаж и прислугу, как это было принято. Довольствоваться положением бедного родственника было явно не в его характере, и поэтому он написал рапорт о своем переводе из гвардии в армейские части. Назначение получил в 44-й Нижегородский драгунский полк, расквартированный в Молдавии. Командиром полка в тот период был Н.Н. Раевский, с которым А.П. Ермолова в дальнейшем неразводила судьба, в том числе и на судьбоносном Бородинском поле.

В Молдавии А.П. Ермолов находился непродолжительное время. Его вызвали в Санкт-Петербург по случаю назначения адъютантом генерал-прокурора А.Н. Самойлова. Произошло это благодаря хлопотам отца, который мечтал о том, чтобы сын сделал карье-

ру при дворе. Сам же Ермолов-младший с детства впитал из рассказов отца такие слова, как: «единорог», «гаубица», «канонир», «артиллерийская шкала» и т.д. Поэтому в перспективе он видел себя только артиллеристом. В то же время, испытывая глубочайшее уважение к отцу, он не мог его слушаться, поэтому придворную службу совмещал с подготовкой к службе в артиллерии.

В марте 1793 года А.П. Ермолов был назначен квартирмейстером во 2-й бомбардирский батальон – он готовился к экзамену для перевода в артиллерию. блестяще выдержав экзамен, он в августе того же года был произведен в капитаны артиллерии с зачислением репетитором в Артиллерийский инженерный шляхетный корпус. Свое пребывание в корпусе Алексей Петрович использовал для самообразования прежде всего в области военной истории, артиллерии, фортификации и топографии.

Первое боевое крещение А.П. Ермолов получил в период польской кампании 1794 года. Семнадцатилетний капитан постоянно искал случая отличиться, выказать умение и отвагу. Именно эти качества он и проявил, командуя батареей при штурме предместья Варшавы – Праги, за что был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. Следует отметить, что этот орден был наиболее ценен в войсках, поскольку вручался именно за проявленную доблесть. О значимости совершенного А.П. Ермоловым подвига свидетельствовало и то, что 1 января 1795 года императрица Екатерина II направила ему личное послание по случаю награждения орденом Святого Георгия, а награду вручил А.В. Суворов, руководивший этой операцией.

В 1796 году А.П. Ермолов получает новое назначение – в экспедиционный корпус В.А. Зубова, направляемый на Кавказ. Официальной причиной это-

го похода стало нападение Персии на Кахетию – восточную Грузию, находившуюся в вассальной зависимости от Российской империи, хотя, по мнению известного дореволюционного историка В.А. Потто, экспедиция В.А. Зубова в Прикаспий фактически была одним из элементов реализации так называемого греческого проекта Екатерины II. Корпус должен был пройти по северным провинциям Персии и выйти в Восточную Анатолию, где планировалось развернуть второй фронт против Турции, с которой в тот период шла очередная война. Навстречу ему с Балкан должен был двигаться А.В. Суворов. Конечной же целью греческого проекта императрицы Екатерины было восстановление Греческой империи со столицей в Константинополе под протекторатом России. При этом греческий престол предназначался внуку Екатерины – Константину.

В Персидском походе наиболее ожесточенное сражение произошло при штурме крепости Дербент, в ходе которого в мае 1796 года девятнадцатилетний капитан А.П. Ермолов вновь отличился и был удостоен ордена Святого Владимира 4-й степени. Взяв крепость Дербент, русские войска дошли до реки Аракс и двигались бы дальше, если бы не внезапная смерть императрицы. Вступивший на российский престол Павел I, ненавидевший все, что было связано с Екатериной II, одним из первых своих указов отозвал экспедиционный корпус В.А. Зубова из Закавказья. А.П. Ермолов вернулся из похода в звании подполковника.

Действия Павла I, направленные на искоренение того, что было связано с Екатериной, а также по насаждению прусских порядков, не могли не вызывать отторжения в обществе, особенно в офицерской среде. Ситуацию обострили массовые гонения и увольнения из армии боевых офицеров, замещение

их иностранными специалистами, часть из которых не владела не только военным делом, но и русским языком. Это провоцировало антипавловские настроения и способствовало возникновению оппозиционных организаций. Одна из них появилась в Смоленске и состояла из офицеров расквартированного здесь Петербургского драгунского полка. Ее руководителем был сводный брат А.П. Ермолова – А.М. Каховский. Организация просуществовала недолго, уже в августе 1798 года А.М. Каховского арестовали. В его бумагах было обнаружено письмо А.П. Ермолова. В ноябре этого же года Алексея Петровича арестовали, но поскольку доказательств его вины у следствия не было, через две недели освободили. Произошло это по личному указанию императора, которое до А.П. Ермолова довел инспектор кавалерии Ф.И. Линденер (один из гатчинских фаворитов Павла I). На «царскую милость» Алексей Петрович ответил: «Я не знаю, за что меня арестовали и за что прощают». Это было воспринято как дерзость, и А.П. Ермолов оказался под стражей в Петропавловской крепости, где провел более двух месяцев, пока Павел I на его деле не наложил резолюцию: «Исключить из службы и отослать на вечное житье в Кострому, где губернатору за поведением его иметь наистрожайшее наблюдение».

Первоначально предполагалось, что местом ссылки Ермолова станет уездный город Макарьев, но поскольку в то время в губернском городе жил его двоюродный дядя отставной поручик Николай Васильевич Ермолов, служивший в судебной палате, ему удалось убедить губернатора под личную ответственность оставить пленника в Костроме.

В ссылке А.П. Ермолов сблизился с опальным казачьим генералом М.И. Платовым, в обществе которого часто проводил время. Изгнанники рас-

суждали о теории военного дела, говорили о подвигах своих соратников в Альпах. Это было время знаменитого итальянского похода А.В. Суворова. Основным же занятием Алексея Петровича в Костроме было самообразование. Еще в Петропавловской крепости он начал изучать латынь, хотя в России в тот период модными были немецкий и французский языки. Учителем латыни у А.П. Ермолова был протоиерей Успенского собора Е.А. Груздев. К концу пребывания в изгнании Алексей Петрович свободно читал латинских авторов в подлинниках. У Юлия Цезаря он брал уроки побеждать. Что же касается сочинений Тита Ливия и Корнелия Тацита, то их изучение в последующем сыграло значимую роль при организации А.П. Ермоловым военной и гражданской власти на Кавказе. Итогом костромской ссылки стало то, что Россия вместо бесстрашного офицера, готового рисковать жизнью ради славы Отечества, получила высокообразованного военачальника, государственника, знания которого базировались на фундаменте мудрости древних классиков.

15 марта 1801 года, на следующий день после смерти Павла I, был обнародован именным указ нового императора Александра I о прощении, где в одном из списков под номером 15 был записан артиллерии подполковник Ермолов, сосланный в Кострому по делу кружка Каховского.

По возвращении из ссылки в июне 1801 года А.П. Ермолов был назначен командиром конно-артиллерийской роты в 8-й артиллерийский полк, дислоцировавшийся в Вильно. Несмотря на усердную службу, карьера А.П. Ермолова не задалась. Практически 9 лет он был подполковником и командиром роты, в то время как его ровесники давно уже имели генеральские звания. Одной из причин этого явилось от-

ношение к нему назначенного в 1803 году инспектором артиллерии фаворита двух императоров (Павла I и Александра I) графа А.А. Аракчеева, который, по словам самого А.П. Ермолова, «и то считает за благодеяние, что, утесняя невинно, не погубляет!».

В 1805 году произошло событие, которое еще более обострило взаимоотношения А.П. Ермолова и А.А. Аракчеева. При проведении строевого смотря высокий артиллерийский начальник высказал командиру конно-артиллерийской роты неудовлетворение его деятельностью из-за утомленного состояния лошадей. На это Алексей Петрович ответил фразой, ставшей в последующем афоризмом: «Жаль, Ваше сиятельство, что в артиллерии репутация офицеров зависит от скотов». С этого момента строптивый подполковник попал под особо пристальное внимание могущественного сановника. А.П. Ермолов делился с друзьями: «Мне остается или выйти в отставку, или ожидать войны, чтобы с конца своей шпаги добыть себе все мною потерянное».

Ожидание войны оказалось недолгим, летом 1805 года началась третья антинаполеоновская кампания, в которой бонапартистской Франции противостояла коалиция в составе России, Австрии, Великобритании, Неаполитанского королевства и Швеции. Несмотря на столь представительный состав, войска против Наполеона выставили только Россия и Австрия.

16–19 октября 1805 года состоялось сражение под Ульмом, в котором Наполеон наголову разбил австрийские войска под командованием генерала К. Макка. Попытка же разгромить подобным образом русскую армию не увенчалась успехом, поскольку ее главнокомандующий М.И. Кутузов, учитывая четырехкратное превосходство француз-

ских сил, путем ряда искусных маневров избежал крупного сражения и, совершив тяжелый 400-километровый марш-маневр, соединился с другой русской армией (под командованием И.И. Михельсона) и с уцелевшими австрийскими войсками.

С самого начала войны конно-артиллерийская рота А.П. Ермолова действовала в составе армии М.И. Кутузова и находилась в резерве главнокомандующего. Первое сражение, в котором А.П. Ермолов принимал участие, состоялось в октябре 1805 года под Амштетеном, артиллеристы находились в составе арьергарда генерал-майора П.И. Багратиона, обеспечивая отход русских войск. Задачу свою они выполнили блестяще, и подполковник А.П. Ермолов был представлен главнокомандующим М.И. Кутузовым к награде, которую не получил. Произошло это, по всей видимости, из-за известного отношения к нему инспектора артиллерии А.А. Аракчеева.

Отличился А.П. Ермолов и в сражении под Аустерлицем, которое произошло на весьма неудачно избранной для русско-австрийских войск позиции. М.И. Кутузов считал, что армия еще не готова к генеральному сражению, предлагал отвести войска дальше на восток. Но это предложение не было принято. Император Александр I, подстрекаемый австрийцами, желающими как можно быстрее освободить Вену, настоял на переходе в решительное наступление. И оно началось 20 ноября 1805 года в 8 часов атаккой союзных частей по правому флангу французов, которым командовал маршал Л.Н. Даву. Удар нанесли союзные части под командованием генерала Ф.Ф. Буксгевдена. Французы упорно оборонялись, постепенно отступая и втягивая союзные части в болотистую низину. Для развития наметившегося успеха Александр I приказал М.И. Кутузову использовать центральную

ударную колонну генерала И.К. Коловрата. Но такое решение оголило центр, чем незамедлительно воспользовался Наполеон. Ударный корпус маршала Н.Ж. Сульта рассек русско-австрийские войска надвое. Французам удалось окружить главные силы, начался разгром союзных частей.

Конно-артиллерийская рота А.П. Ермолова обороняла переправу, прикрывая отход наших войск, а потом не позволяла французам начать форсирование реки до полуночи. Когда А.П. Ермолов прибыл к арьергарду князя П.И. Багратиона с докладом о выполнении поставленной боевой задачи, тот не хотел верить в то, что наступление французов все это время сдерживала и вела бой всего лишь одна конно-артиллерийская рота. За проявленное под Аустерлицем исключительное мужество по настоянию главнокомандующего М.И. Кутузова А.П. Ермолову был присвоен чин полковника, и он был награжден орденом Святой Анны 2-й степени. Но самым главным для Алексея Петровича стало то, что имя его после сражения под Аустерлицем получило широкую известность в армейских кругах.

Полковник А.П. Ермолов участвовал почти во всех военных кампаниях 1806–1807 годов. За сражение при Голимине он был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». В битве при Прейсиш-Эйлау А.П. Ермолов фактически обеспечил перелом в пользу русской армии. По свидетельству очевидцев, командуя артиллерией левого фланга русских войск, А.П. Ермолов выехал голопом на позицию, отослал лошадей и передки орудий в тыл, заявив артиллеристам, что «об отступлении и помышлять не должно». Блестяще выполненный маневр по прикрытие отступления наших войск помог не только спасти людей, но и

нанести французам ощутимый урон. П.И. Багратион представил А.П. Ермолова к ордену Святого Георгия 3-й степени. Только и этой награды Алексея Петрович не получил, так как весь успех артиллерии был приписан графу А.И. Кутайсову (командующему артиллерией правого фланга), а А.П. Ермолов был награжден лишь орденом Святого Владимира 3-й степени. Какого-либо злого умысла со стороны А.И. Кутайсова в этом инциденте не было. Боевой генерал, герой Отечественной войны 1812 года, в дальнейшем один из близких друзей А.П. Ермолова, он действительно был на позициях ермоловских батарей. Но его участие в этом сражении по описанию самого Алексея Петровича заключалась в том, что «его одно любопытство привело на мою батарею, и как я не был в его команде, то он и не мешался в мои распоряжения». Определяющую роль сыграло, очевидно, то, что А.И. Кутайсов был племянником начальника артиллерии арьергарда Д.П. Резвого. Более того, в период с 1799 по 1801 год он исполнял обязанности адъютанта А.А. Аракчеева.

В марте 1808 года, находясь на отдыхе у родителей в Орле, Алексей Петрович получил известие о производстве его в генерал-майоры и назначении инспектором конногвардейских рот. Со второй половины 1809 года А.П. Ермолов командовал отрядом резервных войск в Волынской и Подольской губерниях. Главной задачей его в тот период было пресечение перехода польских дворян со своими крестьянами в образовавшееся герцогство Варшавское, где в это время формировалась польская армия. Для выполнения этой задачи он был наделен военным министром (А.А. Аракчеевым) полномочиями применять в отношении перебежчиков оружие с дальнейшим их арестом

и направлением в Оренбург и Сибирь. Как отмечал А.П. Ермолов в своих записках, меры им были приняты весьма строгие, «но не было сосланных». Последующие почти два года отряд А.П. Ермолова был расквартирован в Киеве, где основным занятием было строительство новой крепости на Звериной горе. В мае 1811 года А.П. Ермолова перевели в Петербург сначала командиром гвардейской артиллерийской бригады, а затем – командиром гвардейской пехотной бригады (лейб-гвардии Измайловский и Литовский полки). Накануне Отечественной войны 1812 года А.П. Ермолов был назначен командиром гвардейской пехотной дивизии. К этому времени его служебная карьера находилась под контролем императора Александра I.

По инициативе М.Б. Барклая-де-Толли 1 июля 1812 года генерал-майор А.П. Ермолов был назначен начальником штаба 1-й Западной армии вместо генерала Паулуччи, который вообще не говорил по-русски. Примечательно, что А.П. Ермолов, вызванный на военный совет армии и увидевший там засилье иностранцев, на слова Александра I о своем назначении отреагировал своеобразно. «Ваше Величество, заявил он, произведите меня лучше в немцы». Император сделал вид, что не расслышал, а среди генералов-иностранцев у Ермолова значительно прибавилось недругов. В последующем, в 1813 году, один из них – П.Х. Витгенштейн – отомстил Ермолову за эти слова.

К грядущей войне с французами готовились, и как всегда по традиции оказались к ней не готовы. Главная проблема заключалась в том, что русские войска были раздроблены и составляли четыре армии. 1-я Западная армия (главнокомандующий – генерал от инфантерии военный министр М.Б. Барклая-де-Толли) была дислоцирована в Литве, 2-я За-

падная армия (главнокомандующий – генерал от инфантерии князь П.И. Багратион) – в Белоруссии, 3-я Западная армия под командованием генерала от кавалерии А.П. Тормасова – в Приднестровье и, наконец, 4-я (Дунайская) армия под командованием адмирала П.В. Чичагова – в Валахии.

Большинство исторических источников несправедливо утверждают, что М.Б. Барклая-де-Толли был инициатором отступления русских войск и всячески избегал, в отличие от Багратиона, сражений с Наполеоном. И тот и другой военачальники понимали, что давать сражение раздробленными силами губительно для армии и для страны. Инициатива отступления по направлению к Смоленску, где 1-я и 2-я западные армии должны были соединиться, чтобы дать французам генеральное сражение, принадлежала А.П. Ермолову и была поддержана императором. Но прежде необходимо было наладить личные взаимоотношения двух главнокомандующих – М.Б. Барклая-де-Толли и П.И. Багратиона, которые были почти открыто враждебными, так как в кампанию 1806–1807 годов П.И. Багратион был начальником М.Б. Барклая-де-Толли, которому, с момента назначения его военным министром, он вынужден был подчиняться.

Как начальник штаба 1-й Западной армии А.П. Ермолов оказался в чрезвычайно сложной ситуации. Отношения его с непосредственным начальником, Барклаем-де-Толли, были более чем прохладные, а с командующим 2-й армией – Багратионом, напротив, едва ли не самые дружеские. Сумев отрешиться от личных симпатий и антипатий, А.П. Ермолов делал все, чтобы сгладить конфликт между командующими. Он смягчал колкие выражения в переписке, замалчивал перед окружающими трения между командующими. Его важнейшей заслугой в качестве начальника штаба стало

объединение 1-й и 2-й армий под Смоленском. И хотя по численности русская армия все еще значительно уступала объединенной франко-европейской, она была уже в состоянии дать сражение.

Смоленское оборонительное сражение, организатором которого был начальник штаба 1-й Западной армии, продолжалось с 15 по 18 августа. Французам так и не удалось взять штурмом ни город, ни крепость. Вошли они туда только тогда, когда русские войска оставили Смоленск. Решение об этом было принято на военном совете в ночь с 17 на 18 августа. В своих записках А.П. Ермолов об этом писал: «Разрушение Смоленска познакомило меня с новым совершенно для меня чувством, которого войны, вне пределов Отечества выносимые, не сообщают. Не видел я опустошения земли собственной, не видел пылающих городов моего Отечества. В первый раз в жизни коснулся ушей моих стон соотчичей, в первый раз раскрылись глаза на ужас бедственного их положения. Великодушные почитаю я даром Божества, но едва ли бы дал я ему место прежде отмщения!»

Вторую половину августа 1812 года русская армия отступала, но отступала с боями. Один из таких боев произошел 20 августа у деревни Лубино, в 20 километрах от Смоленска. Это была попытка Наполеона втянуть русскую армию в генеральное сражение в невыгодной для нее обстановке. Войсками арьергарда в этом бою командовал начальник штаба 1-й армии генерал-майор А.П. Ермолов. Главной задачей арьергарда было обеспечение переправы русских войск через Днепр. За успешное выполнение этой задачи А.П. Ермолову было присвоено звание генерал-лейтенанта.

3 сентября 1812 года русские войска прибыли в район Бородино, где новый главнокомандующий объединенными

армиями М.И. Кутузов решил дать генеральное сражение. Выбор Бородинского поля для сражения был обусловлен его выгодным стратегическим положением. Поле очень просторное, на нем могли развернуться большие массы войск. Свои силы Кутузов расположил так, чтобы перерезать неприятелю путь на Москву – обе Смоленские дороги.

Бородинское сражение началось на рассвете 7 сентября (26 августа) артиллерийской канонадой с обеих сторон. Наполеон двинул свои войска в атаку. Решающие бои развернулись за Семеновские (Багратионовы) флеши и батарею Раевского, располагавшуюся на Курганной высоте. На этом ограниченном участке шириной около 1 километра французский император сосредоточил основную огневую мощь – 400 орудий. Такая беспрецедентная концентрация орудий стала апофеозом наполеоновской тактики массированного применения артиллерии против ключевого объекта противника. Багратион имел на этом направлении 300 орудий. Ценой огромных потерь, после восьмой атаки, французам удалось к 12 часам выбить русских с флешей. В этой ожесточенной схватке был тяжело ранен П.И. Багратион, который лично руководил обороной.

Генерал-лейтенант А.П. Ермолов находился при главном командующем М.И. Кутузове. В разгар битвы М.И. Кутузов направил его на левый фланг, во 2-ю армию, когда получил известие о ранении П.И. Багратиона и смятении в войсках. А.П. Ермолов быстро выправил сложное положение. Он лично повел в контратаку батальон Уфимского пехотного полка, когда увидел, что противник ворвался на позицию батареи Раевского. Атака была проведена столь дерзко, стремительно, в нарушение всех канонов военного искусства (батальон атаковал дивизию).

Батарея Раевского была отбита.

В 14 часов французы предприняли очередную попытку захватить Курганную высоту. Главный удар вновь пришелся на батарею Раевского, которая после падения флешей стала открыта уже не только для фронтального, но и для флангового удара. Наполеон сосредоточил против нее огонь 300 орудий (половину всей артиллерии). После третьей отчаянной атаки им удалось к 17 часам ворваться на высоту. Но попытки развить успех были остановлены русскими конными полками, которые лично повел в бой генерал М.Б. Барклай-де-Толли.

Битва при Бородино была чрезвычайно ожесточенной и кровопролитной. «Из всех моих сражений, самое ужасное то, которое я дал под Москвой», – написал позже Наполеон. Ценой огромных потерь (французы потеряли 58 тысяч солдат и офицеров, русские – 44 тысячи) наступающие потеснили обороняющихся, но решающего превосходства не получили. Маршалы требовали от Наполеона нанести по сбитым со всех укреплений русским завершающий удар, бросив в бой гвардию. Французский император выехал на линию огня, чтобы лично оценить ситуацию. Он осматривал новые позиции русских и видел, как они, не теряя мужества, смыкали свои ряды, снова вступали в битву и шли умирать, вспоминал генерал Ф. Сегюр, находившийся в тот момент с Наполеоном. Для сокрушения армии, которая не убегала, а готовилась драться до конца, сил у французов уже не было. Бросив историческую фразу: «Я не могу рисковать своим последним резервом за 3 тысячи лье от Парижа», Наполеон приказал отводить войска на исходные позиции.

За Бородино М.Б. Барклай-де-Толли представил А.П. Ермолова, который в бою был контужен шрапнелью, к орде-

ну Святого Георгия 2-й степени. Главкомандующий М.И. Кутузов также высоко ценил его боевые качества, но, считая Ермолова доверенным лицом императора, относился к нему крайне настороженно и поэтому ограничился представлением к награждению лишь орденом Святой Анны 1-й степени.

Бородинское сражение в очередной раз не выявило победителя. Русские войска с воодушевлением восприняли слова главкомандующего о том, что на следующий день сражение будет продолжено. Но дальнейшее развитие событий показало, что М.И. Кутузов не собирался давать сражение. Он видел, что армия измотана. Главкомандующему же важно было сохранить и армию, и ее боевой дух. Чтобы обеспечить это, была начата подготовка к оборудованию новых позиций для якобы предстоящего сражения. Позиции были выбраны фактически в предместьях Москвы: от местечка Фили до Поклонной горы, Воробьевых гор и далее – до Калужской заставы. Место, по мнению А.П. Ермолова, было выбрано крайне неудачное и неудобное для сражения. Об этом он заявил главкомандующему словами, что «драться на нем он не будет, или будет разбит непременно». В ответ М.И. Кутузов спросил его: «Здоров ли ты?» и приказал начальнику штаба самым тщательным образом обследовать новые позиции и в мельчайших подробностях доложить все их сильные и слабые стороны. Между тем решение об оставлении Москвы, очевидно, было уже принято главкомандующим и согласовано с императором. Об этом свидетельствует то, что к этому времени была завершена эвакуация принадлежавших казне сокровищ, а также государственных архивов. В Москве, по заявлению генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина, оставалось «до пятидеся-

ти тысяч самого беднейшего народа, не имеющего другого приюта».

13 сентября 1812 года состоялся военный совет, в котором принимало участие высшее командование армии. Совет проходил в обстановке строжайшей секретности, в силу этого протокол не велся. А о его результатах известно только по воспоминаниям участников, в том числе генерала А.П. Ермолова. В записках Алексея Петровича, посвященных этому одному из наиболее драматических периодов войны, отмечено, что ему, как самому младшему генералу (по времени присвоения этого звания), было поручено первым высказать мнение: давать ли генеральное сражение у стен Москвы или оставить ее. Ермолов заявил о необходимости атаковать неприятеля, чем в очередной раз вызвал неудовольствие главкомандующего. Именно этот момент, очевидно, и отражен на известной картине художника А.Д. Кившенко «Военный совет в Филях», где горячий и решительный Ермолов стоит за столом в правой части картины и высказывает свое мнение о необходимости сражения за Москву.

Позиции А.П. Ермолова придерживались также генералы Л.А. Беннигсен и П.П. Коновцын. В то же время генералы Д.С. Дохтуров, Ф.П. Уваров, А.И. Остерман-Толстой, Н.Н. Раевский и другие высказали мнение о необходимости отступления, с тем чтобы собрать силы для следующего сражения. Решающими стали слова главкомандующего: «С потерей Москвы не потеряна Россия! Первой обязанностью постановляю сохранить армию и сблизиться с войсками, идущими к нам в подкрепление. Самим уступлением Москвы приготовили мы гибель неприятелю. Из Москвы намерен идти по Рязанской дороге.

Знаю, ответственность обрушится на меня, но жертвую собой для блага Отечества».

14 сентября русская армия покинула Москву, а 15 сентября в 14 часов Наполеон прибыл на Поклонную гору, чтобы получить по традиции того времени ключи от города. Не дождавшись ключей, он отдал приказ о дальнейшем движении. Вновь французские войска остановились в районе Дорогомилловской заставы, но и здесь ключей не было. Москва встречала французов пожарами. Так с Наполеоном, перед которым до этого пали ниц 15 столиц европейских государств, никто не поступал.

Захватив Москву, Наполеон ждал предложения о мире. Не дождавшись этого, сам проявил инициативу и трижды обращался с этим предложением к Александру I. Отсутствие нормального снабжения, падение дисциплины в войсках, мародерство, дела невозможной зимовку французского войска в Москве. Поход на Петербург был отвергнут из-за приближающейся зимы и армии М.И. Кутузова в тылу. Предложения Наполеона о мире Александр I проигнорировал. Оставался один выход – отступить к базам снабжения в Смоленске. В Москве был оставлен в качестве арьергарда корпус Мортье, которому было приказано перед уходом поджечь все публичные здания в городе и взорвать Кремлевские стены.

19 октября французские войска покинули Москву. Первоначально Наполеон намеревался напасть на русскую армию и, разгромив, двинуться в не разоренные войной районы страны, чтобы обеспечить продовольствием свои войска. Но перспектива сражения, подобного Бородинскому, с еще более непредсказуемым исходом, заставила его отказаться от этого намерения. Поэтому дальнейшие планы свелись

к выдвиганию в направлении Смоленска через Калугу и закреплению на рубеже рек Западная Двина и Днепр, чтобы оттуда начать новый поход уже в 1813 году. Этим планам не суждено было сбыться, и поспособствовал этому А.П. Ермолов. Узнав о том, что главные силы Наполеона двинулись по Боровской дороге, разгадав замысел врага прорваться к Калуге и дальше к Днепру, он от имени главкомандующего приказал корпусу Д.С. Дохтурова двигаться в направлении Малоярославца и там задержать французов до подхода всей армии во главе с М.И. Кутузовым.

24 октября 1812 года состоялось сражение под Малоярославцем. Оно было исключительно упорным и продолжалось целый день. К полудню с каждой из сторон в боевых действиях участвовало до 24 тысяч бойцов, а новые силы все подтягивались. Город восемь раз освобождался от французов и столько же раз снова захватывали. Бой шел не за обладание населенным пунктом, а за плацдарм на берегу реки, с которого армия Наполеона могла продолжать движение на Калугу. Генерал А.П. Ермолов все время находился там, где разворачивались главные события. Характеризуя его действия, М.И. Кутузов сказал, что «он рожден командовать армиями».

С наступлением темноты, около 22 часов, артиллерийская перестрелка прекратилась, наступило затишье. То, что осталось от города, удерживали лишь дымящиеся развалины, среди которых виднелись останки множества обгоревших скелетов», – так описывал Малоярославец после боя француз Лабом. Русские войска окружили Малоярославец полукольцом, перекрывая все пути на Калугу. Основные силы М.И. Кутузов

расположил в 3 километрах к югу на выгодной позиции.

25 октября рано утром несколько кавалерийских полков атамана Платова, переправившиеся на другой берег реки с вечера, атаковали французов. Было захвачено 11 пушек и чуть не пленен Наполеон, которого спасли подоспевшие гвардейцы. Некоторое время обе стороны готовились к продолжению сражения и изучали позиции друг друга. Как и под Бородино успеха и превосходства не получила ни одна из воюющих сторон. Ни одна из сторон не решилась на дальнейшие активные наступления, хотя имела для этого возможности. Французская армия все еще была грозной силой, насчитывавшей около 100 тысяч человек. Русская армия уступала незначительно в количестве, но превосходила в качестве, имея больше артиллерии и бо-

лее высокий боевой настрой.

Военные историки назвали сражение под Малоярославцем кульминационным пунктом борьбы за стратегическую инициативу в Отечественной войне 1812 года. Армия М.И. Кутузова выполнила поставленную задачу, остановив движение французов на Калугу. Наполеон был вынужден отступить по разоренной Смоленской дороге, где его ожидали разграбленные села и озлобленное население. На этом направлении обеспечить довольствием армию было невозможно, и это приближало ее крах.

13 января (1 января) 1813 года русские войска под командованием фельдмаршала М.И. Кутузова достигли реки Неман, являвшейся границей Российской империи, завершилась Отечественная война, и начался заграничный поход русской армии. Эту кампанию Алексей Петрович Ермолов

совершал в новом качестве: сразу же после перехода через Неман был назначен начальником артиллерии русской армии, а затем, после формирования очередной антинаполеоновской коалиции, возглавил артиллерию союзных армий.

28 апреля 1813 года в Бунцлау (современный Болеславец, Польша) умер фельдмаршал М.И. Кутузов. Главкомандующим русской армией был назначен генерал П.Х. Витгенштейн, а через четыре дня, 2 мая 1813 года состоялось сражение при Лютцене, в котором союзным армиям было нанесено поражение. Главкомандующий русской армией П.Х. Витгенштейн одной из причин поражения назвал нераспорядительность командующего артиллерией, за что А.П. Ермолов был переведен с понижением на должность командира 2-й гвардейской

пехотной дивизии. На самом деле нераспорядительностью и крайней неуверенностью отличался сам главнокомандующий, действия которого сковывало присутствие в войсках императора Александра I и прусского короля Фридриха Вильгельма. Неудачным для союзных войск было и следующее за этим сражение при Бауцене (21 мая 1813 года). Союзные войска вынуждены были отступить. Арьергард был поручен А.П. Ермолову, и только его решительные действия обеспечили отход армии без крупных потерь. После этого сражения генерал П.Х. Витгенштейн сам попросил уволить его с поста главнокомандующего. Александр I заменил его М.Б. Барклаем-де-Толли.

В битве под Кульмом (29–30 августа 1813 года) А.П. Ермолов возглавлял 1-ю гвардейскую дивизию, а после ранения генерала А.И. Остермана-Тол-

стого – сводные силы в центре боевого порядка союзных войск. Сражаясь целый день против вдвое превосходящего по численности противника, гвардия Ермолова спасла всю союзную армию, обеспечив ей победу. А.П. Ермолов был награжден орденом Святого Александра Невского и крестом Красного орла 1-й степени (от прусского короля). «Знаменитая Кульмская битва, которая в первый день этого великого по своим последствиям боя, принадлежала по преимуществу Ермолову, служит одним из украшений военного поприща сего генерала», – сказал об этом герой Отечественной войны 1812 года, писатель и поэт Д.В. Давыдов.

При взятии Парижа в 1814 году А.П. Ермолов командовал гвардейским корпусом и за проявленное мужество, отвагу, умелое руководство войсками был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени. После подписания Парижского мира Александр I направил его в Краков командующим 80-тысячной наблюдательной (наблюдательной) армией. Эти войска были необходимы для усиления позиции России в преддверии запланированного на сентябрь 1814 года Венского конгресса, призванного определить послевоенное устройство Европы. Но планы союзников существенно скорректировал Наполеон, покинувший место своей ссылки на острове Эльба и уже 1 марта прибывший в Париж. За 19 дней ему удалось полностью восстановить контроль над Францией. 13 марта 1815 года восемь держав объявили Наполеона «врагом человечества» и обязались бороться с ним до победы, тем самым юридически оформив последнюю антинаполеоновскую коалицию.

В апреле 1815 года А.П. Ермолов был назначен командиром грендерского корпуса, предназначенного для участия в предстоящих сражениях с Наполеоном. В начале июня

корпус вступил на территорию Франции, но принять непосредственное участие в военных действиях против войск Наполеона ему не пришлось. В битве при Ватерлоо (18 июня 1815 года) наспех собранные и плохо обученные войска Наполеона были разбиты. Гренадеры были направлены в Париж для обеспечения представительских функций императора. В этот период произошло важное событие, повлиявшее на дальнейшую судьбу Алексея Петровича. Во время очередного строевого смотра Александр I, недовольный маршировкой одного из полков, приказал А.П. Ермолову посадить под арест трех заслуженных старших офицеров. В тот день гарнизонная гауптвахта была занята англичанами, и генерал предложил императору содержать провинившихся в своих казармах. Александр I остался при своем мнении. А.П. Ермолов уехал в театр, не отправив провинившихся на гауптвахту. Туда и примчался адъютант начальника Главного штаба с требованием немедленно арестовать «виновных». Встретив в антракте девятнадцатилетнего великого князя Николая (будущего императора), А.П. Ермолов сказал ему: «Я имел несчастье подвергнуться гневу Его Величества. Государь властен посадить нас в крепость, сослать в Сибирь, но не должен ронять храбрую армию в глазах чужеземцев. Гренадеры пришли сюда не для парадов, а для спасения Отечества и Европы».

В 1816 году Александр I назначил А.П. Ермолова командиром Грузинского корпуса и главнокомандующим гражданской частью на Кавказе (проконсул Кавказа) и в Астраханской губернии, одновременно Чрезвычайным и Полномочным Послом в Иране. С этого назначения начался не только новый этап в жизни А.П. Ермолова, но и новая страница в истории России – кавказская.

